

18.8.95

Королева Наталья

БЫЛ ВЕЧЕР НЕСКОЛЬКИХ СВАДЕБ (КАЖЕТСЯ, БЫЛО ДВЕ). А ТЫ В ЭТО ВРЕМЯ, ОТАРЧИК, ТИСКАЛ МЕНЯ В ТРАВЕ

Наташа КОРОЛЕВА, "КОНФЕТТИ" "БЕКАР РЕКОРДЗ" - "СОЮЗ"

Москва, правда, - 1995, - 18 авг. - 1995

Сначала лето было торопавое, резво взяло старт, буйным было и веселым. Но на момент, когда, триста тысяч раз прослушав альбомчик, я стучу на машинке, лето, предавая таких рьяных, как я, поклонников, приуныло, даря всем зябкость... Сразу лезут в башку мысли хрестоматийные о том, что все кусается, политики соревнуются в тупорылости (каждый день у этой гонки новый лидер), и, жми не жми на все педали, очень трудно добиться экономической базы... Ну, вы знаете, мне легче: у меня есть Наташа Королева - в компактном виде. Она общается со мной, поет для меня, жеманно глядит исподлобья, и я весело понимаю, что жизнь все-таки полна прелестей.

"Подсолнухи". Солнечное напоминание о хлопнутой двери (ну, все, Наташа, баста, я ухожу, пей свой кофе одна. Или с уродом каким-нибудь!) Когда дверь грохнула, вообще-то было не до улыбки, даже натянутой. Но теперь, когда сдохло столько верховных политиков, дождь пролился семь тыщ раз на засранную нами землю, Додолев стал лощеным денди, а Шумейко наконец-то сбегал к парикмахеру, - теперь вспоминается только хорошее. Ну, как ты принес штучку, помнишь? Резиновую, я, ой, сначала боялась... Или как мы кувыркались в поле, в подсолнухах, и рожа твоя светилась счастьем, и ты не путался с этой короной (а ты не путалась с этим зайцем во фраке).

"Конфетти". Захлебнешься иллюзией - наконец-то встретил! Одержимо бросаешься в этот омут, не слушая, чего тебе кричит маэстро Игорь Николаев: "ледяной волной окатит вас ненастье". А ты думал, иллюзия вечна? Ну да, той ночью она действительно, особенно в профиль, казалась такой классной. И свечи, и ее духи, а волосы, а взор, а пальцы, а фигурка, если отойти метров на семьдесят... Все мишура, все - конфетти. Старик, будь хоть сегодня настороже и не подходи к Свете Михайловой: она - динамщица.

как символ непонятки под названием "жизнь". Задорно. Будут любить люди, очень непосредственные в вопросах морали.

"Мужичок с гармошкой". Слова самой Наташи. Про забавного типа старше положенного, который влюблен в певицу. Мое любимое в альбоме, потому что есть непревзойденный стеблице. Если слушать раз пять сряду, начинаешь думать, что напрасно только не ездил в деревню.

"Тучка". "Пусть он поймет, что это я плакала о нем". Ну? Даже если поймет? (Что при его-то мыслительных способностях затруднительно.) Все равно сошлется на то, что в семь футбол и его ждут ребята. А ты стой у окна, матушка. Пробавляйся высшими проявлениями духа. Тучка как точка.

"Три желанья". Это она так прикидывается. Ты клюнешь, и этих желаний станет по три в минуту. Во всяком случае, так уверяют женоненавистники. Между прочим, музон сложили немцы МЕНКЕ (брательники, что ли?) Слушаешь и ухмыляешься: наш Игорь круче раз в сто. Но интернационализм, понимаешь. Или бартер.

"Янтарь". Одна из лучших, без дураков, вещь. Бабушка надвое сказала, врубится ли вы в строчку: "застыла в нем Та, что летала когда-то комариком крохотным наша Любавь". Вот так и надо переживать альковное фиаско - с улыбкой, немного натянутой пусть, но выдающей понимание: будь, ирод, признателен за все, что было.

...Служба заморочила мне голову вконец, все забирает, силы и ясность мысли, и я забыл написать, что обожаю Наташу, люблю Николаева, и в этом вижу подтверждение своей правильности: любви, когда любитесь.

В рамках своей игры Королева и "Конфетти" - это реализованная симпатия к простым эмоциям.

Отар КУШАНАШВИЛИ.

"Голубой топаз". "С другим не клеится роман". Поделом тебе. Я так просил тебя: не гони! Просил? Да что топаз? Я весь шар бы швырнул к ногам твоим, Наташа. Я бы вернулся наизнанку, но показал бы, сколько душеполезных книжек на моем счету, как я тонок. Но ты отобрала шанс. Ну и сиди - любуйся луной, которая "таблеткой белою в ночи". Я тебе передал через Женю Попову из "Завтрака для чемпионов": луна тебя не спасет, Топаз тоже.

"Маленькая страна". Ага, ты тоже думаешь об этом? Через школьный парк чтобы пройти, теперь нужен килограмм душевных сил - в горле комок, и накачивает агромадная меланхолия. Там, в детстве этом, в плюшевом окружении, при молодом папе справа, при молодой маме слева, была одержимость жизнью. Беспечальность. Ну, прощай. Рубашка, кстати, у тебя наизнанку. Опять.

"Неужели это я". "Я любила всех открытой душой". Вот и кусай губы теперь. Мы с тобой пришли сюда с ладными намерениями, скажи? Мы кому-нибудь хотели худого, скажи? И чего? Одни бабки кругом. Шагу не сделать без инсульта. И это то, к чему мы стремились? Стать взрослыми. Блин, самостоятельными. И такими же дерьмовыми, как все вокруг.

"Красные яблочки". Дерзкая по литературному замыслу вещь. Слово "красные"